

Глава 27. Сердце на разрыв

Цзян Си всегда казалось, что его брат — человек недостижимой высоты. И дело было не только в росте, но и в той ауре, что его окружала: дерзкий, уверенный, заносчивый — настоящий «король школы», которому всё нипочем. Казалось, весь мир принадлежит ему одному.

Но сейчас от этой уверенности осталась лишь тень. Маленький, сжавшийся в комок силуэт в углу под столом. В слабом отсвете зажигалки было видно, как сильно он дрожит.

Сердце Цзян Си сжалось от невыносимой боли. Он знал, что брат боится темноты, но даже представить не мог, что до такой степени.

Он звал его снова и снова, неустанно, терпеливо, но ответа не было. Цзян Чжоу сидел, обхватив колени и уткнувшись в них лицом, словно спрятавшись в непроницаемый панцирь.

Поняв, что вытащить его не удастся, Цзян Си сам полез под стол. Огонек погас. Нашупав в темноте дрожащие руки брата, он почувствовал его прерывистое, тяжелое дыхание. Цзян Си крепко обнял его и стал осторожно поглаживать по спине.

Спустя вечность дыхание Цзян Чжоу начало выравниваться. Он словно только сейчас осознал, что он не один.

— Сиси? — неуверенно позвал он.

— Я здесь, — отозвался Цзян Си. Голос предательски сел.

Цзян Чжоу тяжело вздохнул, будто наконец обрел опору, и обнял его в ответ. Через некоторое время он глухо произнес:

— Хочу покурить.

— Хорошо.

Цзян Си выбрался из-под стола, нашарил зажигалку и пачку сигарет. Когда он снова нырнул в их убежище и высек огонь, в неверном свете пламени лицо брата показалось ему почти спокойным.

Цзян Чжоу пристально смотрел на него, а потом вдруг резко дунул на огонек. Тьма вернулась.

— Почему ты...

— Передумал, — голос брата всё еще был хриплым. В темноте он протянул руку и коснулся щеки Цзян Си. — Ты что, плачешь?

«Плачу?»

Цзян Си и сам не заметил. Он коснулся лица — кожа была мокрой от ледяных слез.

— Сиси, почему ты плачешь? — тихо спросил Цзян Чжоу.

Цзян Си сглотнул вставший в горле ком.

— Мне больно за тебя.

Цзян Чжоу вдруг негромко усмехнулся.

— Меня запирают здесь каждый раз, как я приезжаю. Но ты первый, кто сказал, что тебе меня жаль.

— Это потому что... потому что они не знают, — поспешно возразил Цзян Си. — Не знают, как ты боишься темноты.

— Да, никто не знает. И я не хочу, чтобы знали, — отрезал брат. — У меня и так паршивый характер, вряд ли я вызываю у кого-то сочувствие.

Цзян Си хотел было поспорить, но в этот момент вспыхнул свет. От резкой яркости он зажмурился, и Цзян Чжоу накрыл глаза ладонью, снова тихо рассмеявшись:

— Ну и ну, разрыдался, как маленький.

И впрямь: пока он добирался сюда по грязи и снегу, всё лицо извозилось, а слезы довершили дело, превратив его в форменное чучело.

Когда он привык к свету, они вылезли из-под стола. Цзян Чжоу принялся вытирать лицо брата салфеткой.

— Даже куртку не надел. Ну и закалка у тебя.

Мокрую грязь с одежды было не оттереть, поэтому Цзян Чжоу подтолкнул его к ванной:

— Иди, помойся.

Цзян Си переоделся в пижаму брата — штанины и рукава были ему так велики, что волочились по полу, и их пришлось подворачивать в несколько слоев. Когда он забрался в постель, Цзян Чжоу сидел рядом с гитарой, лениво перебирая струны.

— Как тебе сегодняшняя песня? — спросил он.

— Потрясающе, — честно ответил Цзян Си. — Очень мощно.

— Придумал по дороге. И название уже есть, — Цзян Чжоу усмехнулся. — «Четырёхсловный канон».

Цзян Си не сдержал смешка.

— Там еще много куплетов было, куда жестче этих, — брат ударил по струнам. — Но если бы я спел всё, старик бы точно пустил в ход палку.

Цзян Си накрыл его руку своей. Тот отложил гитару в сторону.

— Спи. Всё остальное — в следующем году.

Свет погас. Комната снова погрузилась во мрак. Цзян Си осторожно толкнул брата в плечо:

— Гэгэ, а ночника нет?

— Здесь — нет. — Цзян Чжоу словно боролся с собой. — Я хочу попробовать. Нельзя же вечно прятаться.

Но страх не уходит по щелчку пальцев. Рука, которую держал Цзян Си, всё еще мелко дрожала. Мальчик придвинулся ближе. Вскоре он почувствовал, как брат повернулся и позвал его по имени.

Цзян Си отозвался, и Цзян Чжоу придвинулся почти вплотную.

— Обними меня еще раз.

Цзян Си обхватил его руками, прижавшись лбом к груди. В эту ночь они так и не разомкнули объятий.

***

Когда Цзян Си проснулся, он обнаружил, что они лежат всё в той же позе. Вчерашняя уязвимость брата всё еще отзывалась в нем острой болью. Глядя на его спокойное, спящее лицо, он не удержался: провел рукой по спине, по щеке, коснулся пальцем маленькой родинки и, приподнявшись, мимолетно поцеловал в левую щеку.

Затем он тихо выскользнул из кровати и ушел в ванную. И как только зашумела вода, «спящий» на кровати медленно открыл глаза.

На самом деле Цзян Чжоу проснулся давно. Ему было так уютно и тепло, словно рядом лежал маленький обогреватель, что не хотелось шевелиться и выходить в холод этого утра.

Когда пальцы Цзян Си коснулись его лица, он едва не подскочил с вопросом: «Ну что, вдоволь нагладился?». Но он никак не ожидал продолжения.

«Поцеловал...»

Внутри разлилось странное, незнакомое чувство. За всю жизнь его никто так не обнимал и уж тем более не целовал. В их семье это было не принято. С Ли Шу и остальными парнями они в лучшем случае хлопали друг друга по плечу. Вчера он впервые осознал, какую силу дает простое объятие, как оно может стать спасением. А теперь этот мелкий его поцеловал.

Втихаря! Пока он якобы спал!

«Вот же паршивец».

***

Когда Цзян Си вышел из ванной, Цзян Чжоу сделал вид, что только что проснулся. Вчерашняя одежда была безнадежно испорчена, поэтому мальчик, как был в пижаме, сбегал вниз за чемоданом и заодно раздобыл завтрак — две мискипельменей, которые выпросила у тети Линь его сестра, Цзян Куэй.

— Проснулся? Ешь скорее, — Цзян Си поставил тарелки на стол. — Сяо Куэй сказала, чтобы ты быстрее спускался.

— Да куда спешить? Получу нагоняй раньше или позже — разницы никакой. — Цзян Чжоу быстро умылся и сел за стол. Кровать уже была аккуратно заправлена, а Цзян Си сидел напротив, подперев щеку рукой.

— О чем задумался? — Цзян Чжоу взялся за палочки. — Почему не ешь?

— Гэгэ... а почему ночью к нам никто не заглянул?

— А зачем? Все по своим комнатам. У старика железное правило: во время новогоднего ужина никто не уходит, а после — все по местам, — ответил Цзян Чжоу.

С самого детства, когда его наказывали, никто не смел перечить деду. И только этот маленький дурачок тайком пробрался к нему, да еще и замок сломал. Вспомнив об этом, Цзян Чжоу решил, что сегодня стоит пойти и извиниться по-хорошему.

— Вот оно что, — Цзян Си подумал, что дедушка Цзян и впрямь невероятно суров.

— Цзян Сиси, — Цзян Чжоу съел пельмень и пристально посмотрел на него. — Зачем ты утром меня поцеловал?

«Решил, что я кусаться перестал, так можно вольности себе позволять?»

— А? — Цзян Си замер, ожидая продолжения.

— Ничего. — Цзян Чжоу так и не смог спросить это вслух. Наверное, для ребенка это просто знак привязанности, как маленькая Сяо Куэй целует родителей. Цзян Си видит в нем брата, единственного близкого человека, а после вчерашнего просто хотел поддержать.

«Лучше сделаю вид, что ничего не заметил. А то признаюсь — и наступит неловкость. Ребенок больше и подойти побоится».

«То есть... станет чужим. А это плохо».

Пока Цзян Чжоу убеждал себя в этом, Цзян Си вдруг серьезно произнес:

— Я знаю, что ты хочешь сказать.

— М-м?

— Во-первых, про вчерашнее я никому не скажу, — торжественно пообещал он. А потом пододвинул к нему свою миску: — А во-вторых, я же видел, что ты не наелся. Не стесняйся, бери мои.

***

Цзян Си не знал, какой разговор состоялся у брата в комнате деда, но вышел Цзян Чжоу в сносном расположении духа. Стряхнул пыль — и снова молодец.

Весь день в дом дедушки Цзяна шли гости. Цзян Чжоу пришлось потаскаться за отцом,

совершая визиты вежливости, и вернулся он только к сумеркам. Всё это время Цзян Си тихо просидел в комнате за уроками — там его никто не беспокоил.

— Пойдем прогуляемся? — Цзян Чжоу заглянул в дверь, когда Сиси закрывал тетрадь по английскому. — Засиделся тут, небось.

— Совсем нет.

Он надел шапку, куртку и вышел. Брат, словно фокусник, тут же протянул ему палочку с крупными ягодами боярышника в сахаре. Цзян Си расплылся в улыбке — он сто лет не ел этих сладостей.

— Уйдем по-тихому. К ужину не вернемся, — Цзян Чжоу потянул его к выходу.

— А если опять накажут?

— Не-а, в праздник можно и припоздниться. Всё равно завтра утром уезжаем.

***

Уезд Пин напомнил Цзян Си Посёлок Чжу: те же улочки, те же дома, но дух праздника здесь ощущался куда сильнее.

Цзян Си катал во рту кислую ягоду. Проходя мимо старой аптеки с белыми стенами и красными дверями, Цзян Чжоу замедлил шаг:

— Это вотчина моего деда.

Оказывается, дедушка Цзян был врачом традиционной медицины. Теперь понятно, откуда в саду столько трав.

— Старик знаменит. К нему на прием за полгода записываются. На людях он само смирение и вежливость, со всеми любезен. Но дома... со мной он не улыбался никогда.

— Меня отправили к нему сразу после рождения. Говорят, дед был недоволен выбором отца, даже на свадьбу не пришел. Чтобы как-то сгладить конфликт, родители отдали меня старикам, — медленно начал рассказывать Цзян Чжоу. — Дед признавал только воспитание через подавление. Что бы я ни делал — он был недоволен. Взрослые твердили, что он возлагает на меня надежды, что он любит меня больше всех. Сначала я верил. Но потом понял: в его глазах я «мусор», «трус» и «кривое дерево», которое не исправить.

Цзян Си слушал так внимательно, что забыл жевать. Сахар на ягоде растаял, осталась лишь кислая мякоть. Он не заметил, как они свернули на узкую тропинку и поднялись на холм.

Перед ними открылось замерзшее озеро, с трех сторон окруженное бамбуковой рощей. Цзян Чжоу поднял камень и зашвырнул его на середину льда.

— Сиси, ты не поверишь, но в детстве я был образцовым ребенком.

— Правда. Тихий, послушный — до глупости. Боялся пикнуть, упаду — вскакиваю, лишь бы не расстроить никого. Родители приезжали и твердили: «Слушайся дедушку, радуй его». И я старался. Дед хотел, чтобы я учил медицину — я днями напролет зубрил названия трав. Смысла не понимал, слов не узнавал, но заучивал наизусть.

— Если бы... если бы бабушка не умерла, я бы, наверное, так и остался паинькой. — Голос Цзян Чжоу упал. — Она меня очень любила. Но в доме всем заправлял дед. Она жалела меня, но когда он наказывал — не смела слова сказать. Только потом, втихомолку, утешала.

— Темноты я и раньше побаивался, просто по малолетству. Но по-настоящему это началось тогда... в день ее похорон.

Цзян Чжоу почувствовал, как в груди перехватило дыхание. Он медленно опустился прямо на землю. Цзян Си сел рядом.

— В день похорон дед настоял, чтобы я шел в школу. Я не хотел, плакал. Дед тогда был выпивши, ударил меня — он в тот день был страшнее обычного. Схватил за шиворот и потащил в их комнату. Там стоял старый гардероб, бабушкино приданое — тяжеленный, из темного дерева. Он запихал меня внутрь и запер. Двери были такими массивными, что как я ни толкал — они не поддавались... А внутри была абсолютная, кромешная тьма.

Я любил бабушку, но тогда я был слишком мал. Для меня «смерть» была чем-то ужасающим. Я кричал, бился в двери, но никто не пришел.

Не знаю, сколько я там просидел. Когда очнулся, похороны уже закончились. У кровати сидел отец. Я хотел броситься к нему, прижаться, а он сказал: «Дедушке сейчас очень плохо, он не ест, иди, утешь его»... Понимаешь? В доме было полно людей, но никто не спросил, как я, не спросил, хочу ли я есть. Никто не извинился за деда. Все вели себя так, будто ничего не случилось. Словно это было... неважно.

Цзян Чжоу сжал руками голову. Вскоре после смерти бабушки жизнь семьи вернулась в норму. Его забрали домой, но характер уже сломался. Он стал неуправляемым. Ссорился с родителями, в Пине шел наперекор деду. Его пороли, наказывали — он не сдавался.

— Иногда я думаю: может, я просто слишком мнительный? — Цзян Чжоу повернулся к брату.

— Вцепился в ту историю и не отпускаю. Глупо ведь, столько лет прошло. Мало ли кого в шкафу запирали...

Но тело не обманешь. Тот панический ужас перед тьмой никуда не делся.

— Наверное, зря я это рассказал... — Цзян Чжоу глянул на Сиси и осекся. — Эй! Ты что творишь?! А ну отпусти!

Цзян Си кусался. Снова. Он покраснел, взгляд стал диким, яростным — и он изо всей силы кусал собственную губу.

Она уже кровоточила. Цзян Чжоу коснулся его лица:

— Ты с ума сошел? Тебе же больно!

Он полез за платком, но Цзян Си вдруг рванулся к нему, намертво вцепился в плечи и зарыдал. Громко, навзрыд.

Цзян Чжоу замер, ошеломленный.

Солнце почти скрылось, краски померкли. Мир снова погружался во тьму.

***

Руки Цзян Чжоу уже затекли, а Сиси всё никак не мог успокоиться. «Ну надо же, сколько в нем слез, — подумал он. — Зря я, наверное, всё это вывалил на него».

Потом спохватился: «Куртке конец. Всё в слезах, в крови... Ну и ну».

А еще через минуту ему стало не по себе. Место было глухое, сумерки сгущались. Вспомнились детские байки про водяных, почудилось, что лед на озере вот-вот треснет и оттуда кто-то вылезет. Кожа на затылке поползла вверх от мурашек.

— Цзян Сиси... Ну будет тебе, — прошептал он. — Поплакал — и хватит.

Мальчик всхлипнул и, отлипнув от его груди, пробормотал:

— У меня боярышник... к твоей куртке прилип.

Цзян Чжоу: «...»

***

Они нашли работающую лапшичную. Только когда перед ними поставили дымящиеся миски, по телу разлилось тепло. Цзян Чжоу посмотрел на брата, который, не поднимая головы, уплетал лапшу, и решил разрядить обстановку:

— Первый раз решил душу излить, а у тебя такая реакция, что впору самому пугаться.

— И что тут страшного? — буркнул Цзян Си.

— Да как же. Губу вон как рассадил. Болит? — Цзян Чжоу наклонился, рассматривая ранку.

— Не болит, — отрезал Цзян Си. — А ты? Тебе стало легче?

На самом деле — стало. Эта история слишком долго гнила внутри. Высказать её кому-то оказалось огромным облегчением. А то, что слушателем был именно Цзян Сиси, который так горько из-за этого рыдал... вся собственная обида вдруг показалась не такой уж тяжелой.

Брат улыбнулся и взлохматил ему волосы:

— Ешь давай.

Когда они вышли на улицу, Цзян Си вдруг заупряился и попросил донести его на закорках.

— Ты же только что целую миску умял, — притворно возмутился Цзян Чжоу. — Представляешь, сколько ты теперь вешишь?

— Без понятия. — Цзян Си мотнул головой. — Вот ты и проверь.

Как бы он ни весил, ноша была не в тягость. Цзян Си уютно устроился на его спине, прикрыл глаза, а потом прошептал прямо в ухо:

— Гэгэ, когда наступит темнота — не бойся. Теперь у тебя есть я.

<http://bllate.org/book/17532/1705515>